



ТЕАТР—СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

МАСТЕРСКАЯ

ВСЕ еще продолжают споры—быть или не быть театру. Недавно на страницах «Литературной газеты» вновь занялась полемика—с западногерманским писателем, предрекавшим конец сценического искусства.

Кого только не объявляли могильщиком театра! Сначала эту роль отдавали кино, потом телевидению. Был момент, когда казалось, что в подобных прогнозах есть доля истины. Но прошли годы, а театр продолжает жить. Более того—продолжает завоевывать все новых и новых зрителей.

Чем же можно объяснить подобную жизнестойкость театрального искусства? Как ни парадоксально—в какой-то мере развитием технического прогресса. Вчерашний враг театра стал его сегодняшним союзником.

Человек стремится прикоснуться к подлинной естественности. Его начинает угнетать безликий механизированный комфорт. Как закономерный протест против технизации жизни—стремление остаться наедине с первозданной природой.

Обратили ли вы внимание, каким всеобщим явлением стало у нас в последние годы увлечение поэзией, творчеством, которое непосредственно воздействует прежде всего на человеческие эмоции? Сила театра, «магнитное поле»

его притяжения—в том же непосредственном, сиюминутном воздействии на зрителя.

Что заменит зрителю непосредственность встречи с чудом сценического таланта? С чудом, когда на глазах зрителей актер открывает нам всю боль, страдания человечества, делает нас сопричастными к самым тонким движениям души, вовлекает в размышление над серьезнейшими нравственными и общественными проблемами. Гамлет, Арбенин, Чацкий, Раскольников, герои наших дней... Спектакль живет во времени, живет именно мигом нынешним. Никогда не повторится то, что поразило нас сегодня. Может быть лучше или хуже, но по-другому.

Современный спектакль—симфоническое представление, «оркестр» ярких индивидуальных «внутряной» галатей, управляемое вдохновение в сегодняшнем театре неприемлемы. Современный актер должен быть профессионалом, в самом высоком смысле этого слова, и притом незаурядной личностью. Ибо театр—еще и беспощадный разоблачитель. Отсутствие мысли, интеллекта невозможно спрятать ни за какими ремесленными ухищрениями. Чехов говорил об актерах Художественного театра, что они отличаются от остальных лишь тем, что интеллигентны. Речь идет, разу-

меется, о духовной культуре—Чехов, сам обладавший ею, сумел оценить ее в учениках Станиславского.

Воспитание актера—сложный процесс, продолжающийся многие годы. Очень важно, кто будет наставником молодого артиста. Придя в театр, артист должен проявить самостоятельность. И первый шаг к ней—искать и найти себе учителя. Ведь не всегда режиссер, с которым доведется работать, может помочь ему найти себя, помочь наиболее ярко раскрыть индивидуальность.

Беда, если молодой актер полагается на «волю волн». Начинает эксплуатировать свой возраст, непосредственность, обаяние. Молодость—талант «скоропортящийся». А продлить истинную молодость в искусстве можно лишь постоянным стремлением к самоусовершенствованию. Талант с годами мудреет, но, случается, и ржавеет. Каким же образом избежать этого постепенного разведения, нравственной коросты, которая затормаживает, а порой и вовсе останавливает творческий рост актера?

Гениальное учение Станиславского предполагает постоянный творческий рост актера, эстетическое обновление. Но «система» обретает современный смысл лишь в том случае, если относиться к ней

творчески, а не превращать в некую рецептуру на все случаи сценической жизни. Ведь самому реформатору нашей сцены всегда были свойственны неустанный дух творчества, требовательности к себе, постоянный поиск. Иногда приходится слышать разговоры о том, что молодежь недостаточно хорошо знакома с системой Станиславского. Думаю, что это—наша беда, что мы не всегда умеем подойти к «системе» творчески и тем самым в какой-то мере отвратили от нее актерскую молодежь. Сегодня к наследию Станиславского следует относиться по-иному, чем вчера, находить именно те моменты, которые позволяли бы поднять актерскую школу на новую высоту. Константин Сергеевич говорил: «Сделать трудное привычным, привычное—легким, легкое—красивым». Одолевать эти ступени молодому актеру придется долгие годы.

Задумываться о будущем—естественная потребность искусства. И от того, с какими этическими и эстетическими принципами приходит молодой человек в искусство, что у него за душой, какова мера его гражданского зоркости и творческой одаренности, от этого во многом зависит как сегодняшний, так и завтрашний день театра. Именно воспитание художника и гражданина—одна из главных задач творческого коллектива театра, как коллектива единомышленников. О по-

следнем нелишне сказать вновь. Вспомните, у Островского: «Труппа, чтобы разыграть изящное драматическое произведение сообразно его художественному достоинству, то есть, чтобы докончить, воплотить данные автором характеры и положения, возвратит опять в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы, должна быть, прежде всего, слажена, сплочена, однородна».

Сколько раз (на протяжении многих лет) мне приходилось с болью наблюдать, как новые молодые театры не выдерживали испытания временем. Большинство рождалось еще в студии. Коллектив с огромным трудом завоевывал право называться театром—период творческого самоутверждения порой оказывался наиболее плодотворным и интересным в биографии театра. Но вдруг случалось, что в момент, когда спектакли завоевывали признание зрителя, а молодые актеры—популярность, наступал творческий спад. Иные достойно пережили этот трудный период, находили в себе силы, вновь обретали уверенность. Но бывало и другое—в коллективе устанавливалась атмос-

фера успокоенности, эдакой творческой «сытости», равнозначной застою. Надо сказать, что подобной болезни подвержены не только молодые театры, но и коллективы заслуженные. И не потому, что они стали работать хуже. Они остались теми же, но изменилось время. То, что вчера было счастливым исключением, становится сегодня художественной нормой.

Только творческая неудовлетворенность может воспитать художника, который остро чувствовал запросы времени, стремился проникнуть в тайны мастерства и, конечно, соотнести свою жизнь с жизнью нашего общества. Для того чтобы с партийных позиций оценивать суть явлений, молодой актер обязан усвоить существо марксистско-ленинской эстетики не как школяр, а как человек широко мыслящий, способный к философским обобщениям. Иначе ему будет трудно ориентироваться в сложных противоречиях нашей эпохи, отделить главное от второстепенного.

Самое страшное для актера—творческое самодовольство. Когда минутный успех видится ему как достигнутая высота, на которой он может спокойно жить и дальше. Оставаясь на этих позициях, художник превращается в марионетку искусства. Все его внимание сосредоточено на своих личных интересах, на личном благе. Для него театр становится не высокой трибуной, с которой ведут разговор со зрителем, а просто местом службы. Служба, а не служение—вот горестный путь, на который становятся порой мо-

лодые актеры. Для них главное—отбыть положенный срок, а затем бежать на радио, телевидение, концерты, киносъемки. Не сочтите, что я против того, чтобы молодые актеры пробовали свои силы в других видах искусства. Хорошо сыгранная роль в кино, на телевидении, безусловно, обогащает исполнителя. Я за то, чтобы любая работа была творчеством, а не дешевой калитурой. Всеядность приводит к безответственности и в главном деле. И вот молодой актер начинает удивляться, что в новых спектаклях ему достаются роли все менее и менее интересные. Он усматривает в этом интриги недоброжелателей, не понимая того, что истинный недоброжелатель—он сам.

Конечно, бывает, что «почести» выдаются не по талантам. Бывает, что ищущий художник вступает в конфликт с руководителями театра. Здесь от старших товарищей требуется умение разглядеть талант, помочь таланту. Создать ему все условия творческого самовыявления. Да и самому актеру нужно учиться отстаивать свои позиции. Доказывать право на роль необходимо творчески, неустанно совершенствуя свои данные. У настоящего художника должны быть целеустремленная воля, неустрашимость, отвага. Ведь путь в большое искусство гребует большой человеческой и творческой отдачей. Об этом и сегодня должны помнить молодые актеры.

Юрий ЗАВАДСКИЙ.
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.